

ТАТЬЯНА
ГРИБАНОВА

...Долгое время хранилось у меня с дюжину аршин тончайшей, добротной выбеленной поскони. И вдруг пришла мысль: мол, что ж она неприкаянно лежит? А не достать ли из дальнего угла мамину машинку, а не свостожить ли себе из заветного добра сарафан? Холстины бабулиной много, ещё и моей дочери на память останется.

И сладила я себе наряд. По подолу яркой гладью расшила нашу Аринкину луговину, дробным густоцветом выкрестила по ней таволги да колокольцы. Запахло от обмены июньской росой, свежими покосами, переспелой луговой клубничкой. А грудь, да и всё остальное поле расшила-разубрала я берёзовой листвой да маковым цветом. Ими, бывало,

Отрывок из книги «Колыбель моя посреди земли»

Малая родина... Для каждого из нас остаётся она до окончания дней центром мира, серединой, пупом земли. А как иначе-то? Её ведь не сменишь, нет у нас выбора: даётся она нам при рождении и впитывается в нас, влюбляет в себя за детство и отрочество так неистово, что о другой иной и мыслить не помыслишь. Будь это крупный город или совсем крошечный хуторок, всё равно — это для нас самое важное, самое что ни на есть заглавное место земли русской да и всей вселенной.

Отрывок из эссе «Кировская посконь»

украшала матушка перед Троицей нашу горницу.

Сарафану тому уже несколько лет. Но он всё ещё как новенький, потому что надеваю его по особым случаям.

В прошлом году полетела я в чуждальнюю Италию, давно мечталось посмотреть на иные нравы и обычаи, узнать, как там, в мире фикусов и пальм, где вместо наших берёзовых — рощи оливковые, где вместо лохматого крыжовника у поросшего крапивой отцовского плетня — бесконечные виноградники, а вместо обмелевшей не на шутку Кромы — лазурный морской простор.

Лечь на песочке — не в моих правилах. Привычка, знамо дело, — вторая натура! Эхскурсии, музеи, выставки... Июль, жара страшная, только в сарафан и рядиться. И вот что удивительное ощущала я каждый раз — ей богу, не вру! — когда надевала сарафан из старой бабушкиной поскони в этой заморской стране. Бродила ли я по развалинам древней Помпеи, проплывала ли в гондоле узенькими улочками-

каналами Венеции, фотографировала ли пышно цветущие олеандры вблизи величественного Колизея, лишь нечаянно упадёт мой взгляд на подол сарафана — затмеваются, исчезают, испаряются все экзотические ароматы.

Зато я сквозь великие вёрсты почую вдруг, как потянет из кировских лугов тонким запахом вошедшего в цвет иван-чая; увижу, как к ручью Жёлтому вперевалочку, верёвочкой спускаются с Мишкиной горы шепутные тётки Нинилины утки; услышу, как оглашено пицат в крохотном лепном гнёздышке над резным отцовским окошком вечно голодные подrostки-ласточата; вдохну вместе с проголодавшимся дедом Тихоном, что возит в селпо из района на Зорюхе хлеб, аромат свежей чернушки; подивлюсь ребячьим лукошкам, подвязав наполненным белощёкой земляничкой.

И перестанет манить этот так и не познанный мною мир и потянет домой, в поросший донниками Акулинин луг, на осыпанные дремотными купавами берега нашей маловодной, неказистой Кромы.

Это наша точка опоры. Мы взрослеем, становимся на крыло, и малая родина прирастает освоенными нами краями и странами, людьями и свершениями, выводя нас на простор Великой Родины, а там уж — и за её пределы.

Но чуждальние края, пусть и богатые своим историческим прошлым, красотою экзотических пейзажей, увлекают ненадолго. Проходит короткое время, и вот уже серебристые тополя у родимой игинской околицы кажутся мне в сто раз милее пышно цветущих олеандровых рощ Италии, и запах свежего хлеба, дохнувший в Польше из раскрытых окон Краковской пекарни, поманит меня скорее возвратиться к отчому порогу, потянет, словно магнит, к середине Земли, к её центру — к моей Мишкиной горе.

По правде сказать, стоя у её подножия, хочется забрать эти краткие минуты встречи в город, на память. Повидав множество заграничных красот, перевалив за полдень жизни, каждый раз вглядываясь в простенькие игинские пригорки, в милую сладкую глушь, по-прежнему ощущаю непередаваемый сердечный трепет. Каждый раз что-то невыразимое тревожит и будоражит меня здесь до перехвата дыхания. Как же льнёт душа к этому родному замшелому захолустью (может, улавливает его сакральность?!). До окончания жизни его звуки останутся для меня заутренним благовестом, ангельской песнью.

Можно ли на свете быть счастливее в другом месте, чем на берегу детства, в местах отроческих лет?